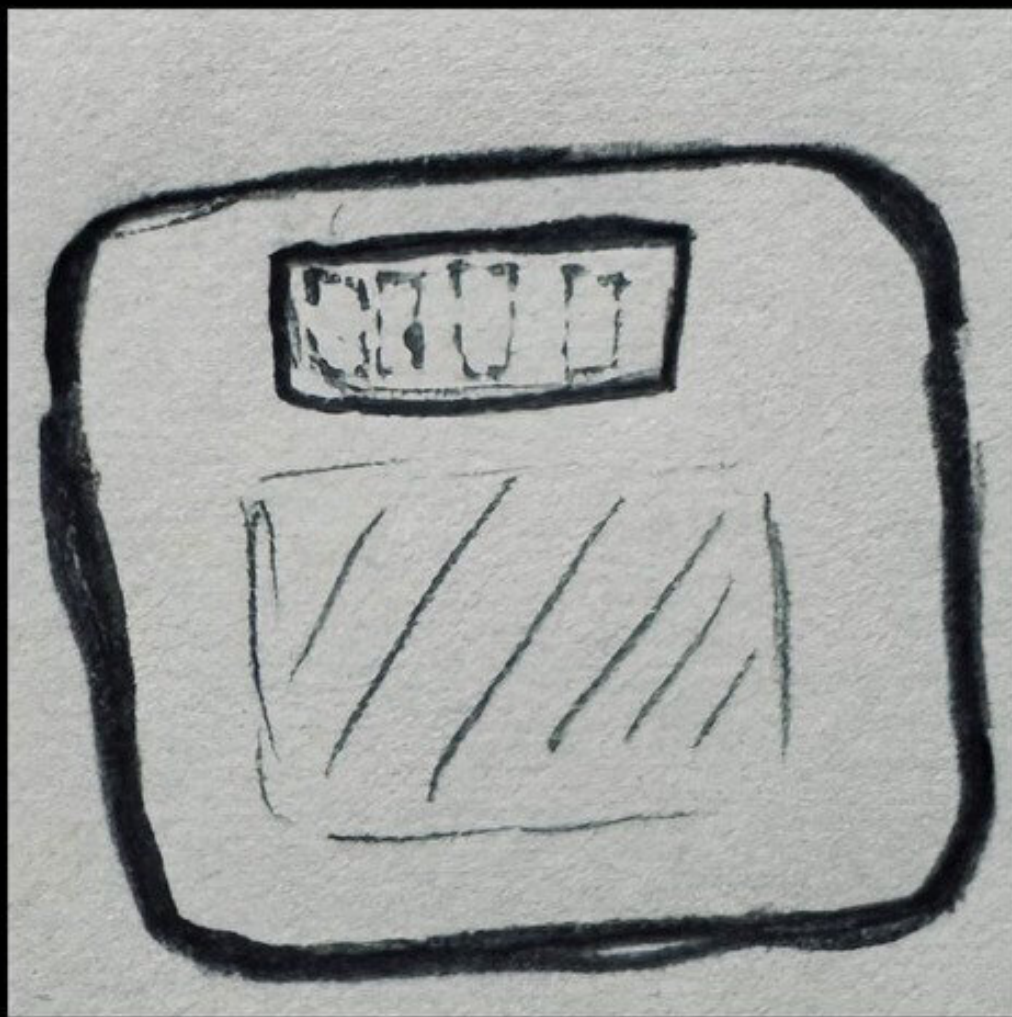


18+

Тихий ребёнок

Николь Пономарёва



С этого и начинается моя история :)



Николь Пономарёва

**Тихий ребёнок. С этого
и начинается моя история :)**

«Издательские решения»

Пономарёва Н.

Тихий ребёнок. С этого и начинается моя история :) /
Н. Пономарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676422-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Будучи ещё маленькой, Николь ощущает себя не
такой, как все остальные. Она стесняется себя и своего тела; однако решает
не рассказывать о своих проблемах родителям и бабушкам, чтобы быть для
них тихим ребёнком. Окружение, секции и положение в семье с годами только
усугубляют ситуацию, всё больше и больше порождая в Николь желание
превратиться в песчинку.

ISBN 978-5-00-676422-4

© Пономарёва Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2. Сад	11
Глава 3. Запахи	18
Глава 4. Море	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тихий ребёнок

С этого и начинается моя история :)

Николь Пономарёва

Корректор Сергей Ким

Дизайнер обложки Мария Фролова

© Николь Пономарёва, 2025

© Мария Фролова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-6422-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихий ребёнок

Там плачет маленький ребёнок,
Где мать твердит: «Тише, малыш!»
И замолкает тот ребёнок,
И повисает вокруг тишь.

Молчит ребёнок слишком долго,
Ведь так родителям удобно.
Но когда вырастет дитя,
Оно укажет на себя.

И вот невинный тот малыш,
Болезнь стал тихонько, какмышь.
И голова болит невольно,
Малыш всё терпит смирно, стойко.
Но от того лечения нет,
Быть тихим – вот его обет.

Часть 1

Глава 1

Хочу сейчас поделиться немногими аспектами моего детства, чтобы было понятнее, как и почему всё происходит дальше, расскажу ещё о своей семье и самом раннем, что я из неё взяла.

Каким я помню своё детство? Оно было разукрашено в разные цвета, преимущественно в тёмные, коричневые, серые, бежевые оттенки.

Помню, как сижу в зале, на обшарпанном диване из бежевой искусственной кожи, пока мама бежит и убирается дома. Я вижу, как она заходит в довольно просторный зал и оглядывает игрушки, разбросанные на полу, расстраивается, качает головой, грустно вздыхает, что ещё придётся дольше убирать, а потом уходит обратно в коридор. Пока она убиралась в других комнатах, маленькая я собирала свои игрушки. Мама заходит, а в комнате всё чисто. Как же мне было приятно видеть её улыбку, знать, что я хорошая девочка, хорошая дочь.

– Николь, да моя ж ты радость, – взмахивает мама руками, – ты же моя помощница.

Она брала меня на руки и начинала свой рассказ:

– Ты у меня всегда была хорошей девочкой. Вот я с тобой в роддоме лежала, ты тогда только-только родилась. А я вся вымученная, еле хожу, ещё кормлю тебя из последних сил. В соседних палатах ор стоит невероятный. Я пока в туалет иду, слышу, как матери своих малышей успокаивают, те кричат – ужас, аж голова болеть начинает. Тебя как принесли, ты только хочешь закричать, а я тебе из последних сил: «Тише, Николь», – и ты замолчала. Просто тихонько лежала и смотрела на меня. Всегда ты у меня самая послушная, самая тихая. Я так перед всеми в роддоме и хвасталась: «А вот у меня тихий ребёнок», – мне никто не верил, а ты ведь правда молчать начинала всегда, если я тебе скажу.

Вот так я всегда и была тихим ребёнком. Мне это нравилось – быть удобной своим родителям. Мама рассказывала мне эту историю столько раз, что, кажется, я уже помню, как это было. Конечно, скорее всего, это просто моё воображение. Однако я чётко вижу в своих воспоминаниях эту белоснежную палату с одной односпальной кроватью у окна, стены белые-белые, потолок аж светится, мама с измученным, но таким счастливым лицом, запах медикаментов, ворчание уборщиц, крики детей, доносящиеся из других палат, вечные мамини подружки по роддому, которые постоянно заходят к нам, постукивают тихонько об дверь и спрашивают:

– Ну что, как вы сегодня?

А мама им отвечает:

– Хорошо, спасибо, а вы как? Да проходи, не стесняйся, присаживайся, я не занята, хоть поговорить с кем будет.

Я помню каждую деталь. Голос у мамы такой громкий и звонкий, честно говоря, он мне не очень нравится с самого детства, вот всё в маме нравится: и глаза, и щёчки, и пухлые губки, её русые густые волосы, мягкие руки – вся она родная и любимая, а голос звонкий. Иногда он меня пугает, мама всегда, когда говорит, мне кажется, что она приказывает, и чуть-чуть не услышишь – всё, она разозлится. Хотя это не так, мама, наоборот, весёлая, она от радости громко разговаривает, когда злится, конечно, тоже, но чаще от радости. А меня, не знаю почему, но с самого детства пугают громкие звуки. Со временем я привыкла к её голосу,

но в детстве мне часто становилось страшно от него. Хотя привыкание не мешает мне иногда его пугаться.

Когда я только родилась, у мамы случилось горе: её мама умерла от рака груди. Это было ужасное несчастье, и мама всё время плакала. Она думала, что сильная, что сможет подготовиться к смерти, но не смогла. У кого родственники когда-нибудь умирали от рака, те знают, что рак делает с людьми. Вот так вот, на последних стадиях заболевания большинство людей от болезни становятся просто неузнаваемыми. Не могу даже представить ту боль, которую пришлось испытать маме, она потеряла одного из самых родных людей как раз тогда, когда исполнилось два месяца её дочери. Только потом, спустя долгие годы, она смирилась с тем, что за жизнью приходит смерть.

Долгое время она находилась в отчаянии, ещё и работала, они с папой вдвоём работали, а я осталась с бабушками. Ну, точнее говоря, чаще всего спала я дома, но проводила весь свой день в компании бабушки Гали и дедушки Олега, а на выходных приходила к бабушке Свете и деду Андрею, я всегда так и звала его – «дед», это он меня попросил так себя называть, наверное, ему казалось, что это делает его солиднее, возможно, и делает.

Помню то прекрасное время как вечную прогулку. До трёх лет я обожала гулять, копаться в песке, лепить куличики, играть на площадках. А прабабушка Галя с прадедушкой Олегом везде бегали за мной по пятам, хотя были уже давно не молодые. Они придумывали разные игры, мне казалось, их фантазия бесконечна, мы рисовали, пели, играли в догонялки, использовали все подручные средства, которые хоть чем-то могли послужить в игре.

Столько же, сколько и игр, они могли придумать поводов для ссор. Вечные пререкания и переругивания для них являлись вполне обыденным атрибутом жизни. Бабушка Галя очень маленького роста, я её переросла ещё в детстве, несмотря на это, она очень крепкая и выносливая, для меня она всю жизнь выглядела одинаково: с короткой причёской, волосы всегда чёрные, неизменный нос с горбинкой, одетая в синий халат, а на голове часто можно было заметить красный берет, меня он всегда так смешил, я называла бабушку Красная Шапочка; кожа у неё никогда не была белой или бледной, бабушка работала много в саду, и загар не сходил с неё никогда. А запах как у настоящей бабушки, помню, обнимаю её и чувствую аромат выпечки, пирожков даже. Дедушка Олег, высокий мужчина армянской внешности, я редко когда задумывалась о его происхождении, всегда помню его седым, а армян обычно представляю темноволосыми. Он всегда так мелодично шаркал тапочками, под этот звук можно даже заснуть, если, конечно, бабушка не начнёт кричать:

– Олег! Ну подними ты ноги, шарканье уже слушать невозможно!

А потом у них завяжется очередная перепалка, так оно всегда и было, это часть моего детства.

В три года я пошла в садик. Не могу сказать, что мне очень не нравилось там, просто я всегда была тихой, не умела общаться с людьми, находить новые знакомства. Может быть, даже для меня маленькой это и не создавало столько проблем, если бы не амбиции бабушки Гали, она считала, что ребёнок должен общаться, находить друзей, как все нормальные дети. Ей казалось просто возмутительным, что я почти не общаюсь с другими ребятами, не люблю рассказывать стихи, выступать на сцене, а я всё это не любила. Она жила этим, всегда была очень деятельной и не могла понять, как у другого человека может быть иначе. Мне всегда хотелось побыть наедине с собой, со своими мыслями, я уходила в страну фантазий и гуляла там часами. А бабушка делала всё, чтобы я не предавалась своим мыслям.

Меня раздражало, что бабушка постоянно пытается отвлечь меня какими-то разговорами. Мне хотелось просто тишины, чтобы расслабиться и начать представлять картинки в своей голове. Однако голос на фоне постоянно о чём-то говорил, о чём-то спрашивал, ещё и отвечать приходилось, хотя раздражало это жутко. Так, мы и шли, она говорит, а я злюсь на неё, пока у меня не кончалось терпение:

– Бабушка, ну помолчи, пожалуйста, я хочу подумать, – лепетал тоненький детский голосок, и я слышала его, такой напуганный, знающий заранее, что ничего хорошего из просьбы не получится.

– Как это? Ты что, не хочешь меня слушать? – возмущённо говорила бабушка, специально настолько громко, насколько можно, чтобы ещё и прохожие слышали, чтобы мне ещё и за это стыдно было. – И что мне, по-твоему, делать? Идти молчать просто? Мне скучно просто молчать.

Тогда я пыталась просто её не слушать, но и в таком случае бабушка всегда находила способ выдернуть меня из фантазий.

– Ты чего в пол уставилась, глаза же сломает? Ты вообще меня слушаешь? – начинала возмущаться она, жутко ей не нравилось, что я её не слушаю.

– Бабушка, я хочу просто помолчать и подумать.

«Подумать» – именно так я называла своё желание уйти в страну фантазий и ярких картинок.

– А о чём ты думаешь? Расскажи бабушке, а то идёшь молчишь, вся такая загадочная.

– Я не скажу.

Мне не хотелось рассказывать бабушке, о чём именно я думаю, скорее всего, потому что ни о чём конкретном я и не думала. «Ну что я ей, картинки начну описывать, она же меня вообще за дурочку примет», – думала я.

– Как это не скажешь? У тебя что, секреты от меня какие-то?

– Нет, – со вздохом говорила я, мне быстро надоедали её вечные споры.

– Ой-ой-ой, – начинала кривлять меня бабушка, – какие мы серьёзные! Так и скажи, что тебе со мной просто неинтересно, ты просто с бабушкой общаться не хочешь! А мне, знаешь ли, обидно!

Я не хотела обижать бабушку, приходилось оставлять все свои фантазии и слушать, отвечать ей. Позже я стала скрывать от всех, что люблю уходить в свои мысли. Мне казалось, это делает меня странной, ненормальной и других людей такое моё поведение будет пугать, вызывать отвращение.

Тогда я очень любила кататься на качелях, казалось, если я катаюсь на качелях, значит, это не может вызвать подозрений, всё же нормальные дети катаются на качелях. Но меня привлекало вовсе не чувство полёта, вообще я никак не обращала внимания на сам процесс катания, меня привлекала возможность побыть наедине с собой, просто в тишине. Когда кто-то становился в очередь, я тут же уступала, потому что моё пространство было уже нарушено, не было смысла кататься дальше. Однако даже качели иногда доставляли мне такую боль. Ведь для стеснительного человека самое ужасное – это когда на него обращают внимание, я старалась сжаться и стать невидимой, всегда молчала, чтобы меня не заметили. А бабушка делала всё наоборот, делала всё так, что я оказывалась центром вселенной, вокруг которой крутятся детские площадки и остальные дети.

Только мы подходили к площадке, как она начинала кричать:

– Николь, Николь, смотри, там качели свободны, беги быстрее, пока другие не заняли! – и трясла меня, чтобы я вмиг кинулась занимать место, которое мне было не нужно. Конечно, я бы подошла, но только тогда, когда убедилась, что никто не хочет кататься и на меня не смотрит.

– Так, разойдитесь-ка, мы занимаем качели! – принималась кричать бабушка другим людям на площадке, когда видела, что я никак на неё не реагирую, а я старалась просто сделать вид, будто я не с ней, я вот с дедушкой, который идёт сзади и молчит, вот такая позиция мне ближе.

Таких ситуаций было множество. Вся неделя у меня проходила с ощущением жуткого стыда. С самого детства я почему-то знала, что все смотрят с осуждением, и буквально сгорала под этими взглядами. А потом наступали выходные.

В выходные я гостила у бабушки Светы с дедом Андреем. Я их очень сильно любила и рвалась к ним всегда, только среди недели они работали, думаю, если б не это, я бы у них жила.

Бабушку Свету я всегда называла просто «ба». Ей это жутко не нравилось. Её культурное воспитание не хотело воспринимать простое «ба», и она говорила:

– Ну какая я тебе ба? – при этих словах она кривила лицо, а маленькая я не могла понять, что не так.

– А почему мне нельзя так тебя называть?

– Потому что это некультурно. А ты у меня воспитанная, хорошая девочка. Называй меня бабушкой.

Потом она ласково гладила меня по голове и улыбалась ослепительной любящей улыбкой. Я тогда думала, что сделаю всё на свете, чтобы не разочаровать её, всё, чтобы стать для неё хорошей, послушной девочкой. Однако привычка так и не ушла, и бабушка Света навсегда осталась ба.

Ба была высокого роста, полноватая, всегда в необычных нарядах и в золотых украшениях, которые она обещала оставить мне в наследство, правда, мне не удалось запомнить хотя бы часть того множества украшений, аксессуаров, сумок, туфель, которые у неё имелись. Причёска у неё всегда была короткая, по плечи, рыжие волосы и небольшая чёлка, очки на глазах, тонкая шея, прямой маленький нос, кожа светлая, даже чуть бледная, это несмотря на то, что они с дедушкой ездили отдыхать каждый сезон, глаза маленькие, с тонкими ресничками. Всё это придавало ей такой стати, что многие боялись одного её вида, у неё невозможная энергетика, она шла всегда держа спину прямо и голову выше, чтобы всегда смотреть на всех свысока. Нет, она ни в коем случае не злая, просто знаете, бывают такие люди, которые и улыбаются по-доброму, и смотрят ласково, а всё равно рядом с ними ты чувствуешь себя маленьким и незначительным, именно таким человеком всегда была ба. Дедушка, наоборот, часто попадал под её влияние, более маленькой комплекции, хотя тоже довольно высокий армянин, с тёмными короткими волосами, большими круглыми выразительными глазами, большим, бросающимся в глаза носом и тоже в очках. Помню, как в детстве я очень любила его слушать, дедушка всегда мне читал сказки на ночь или играл на гитаре и пел, бабушку это очень раздражало, потому что пел он исключительно воровские, дворовые и, мягко сказать, не очень приличные песни, оттого, наверно, они мне так нравились. Днём я прыгала под гитару и напевала неприличные песни, пока бабушка из кухни шикала на нас с дедом, мол, ребёнку такие песни поёт.

А вечером, искупавшись, лежала и слушала мелодичный дедушки голос, пока он читал мне разные книги, смотря на большой золотой крест у него на груди.

Ба и дед всегда казались мне наилучшим примером семьи, а всё потому, что в их доме я никогда не слышала скандалов, да и, по правде сказать, они были самой равной семьёй из моего окружения, это особенно привлекало: оба на работе, обязанности делят поровну, готовят вместе, убираются вместе, вместе путешествуют, только разве что машину один дедушка водил, а в остальном они всегда были равны, в отличие от остальных пар в моей семье.

У моих родителей же всё было по-другому. Не знаю откуда, но у папы всегда была эта мания сделать так, чтобы он мог нами манипулировать, контролировать нас, грубо говоря, чтобы мы зависели от него. Так и получилось, что мама перестала работать и стала делать всё по дому: убирать, стирать, готовить есть. Я не понимаю, как в настолько равной семье, как ба и дед, мог вырасти такой человек, как мой отец. Я никогда его не боялась, даже несмотря на его постоянные запугивания лишить нас денег и всего, что мы имеем, требования у него были самые высокие, ему мешало лишь то, что от него за километр веяло страхом, я чувствовала этот страх и жалела его. Обычно он срывался на маме, постоянно пытался ей манипулировать, пока я была маленькая, она особо не отвечала, только помню, что она была сама не своя на праздниках и прочих общих мероприятиях, обычно весёлая и громкая, она вдруг становилась тихой и необщительной, вообще, мы обе были такими, слушали постоянные «будь тише, ведёшь себя неприлично» или «веди себя культурнее, мы всё-таки в гостях», но даже не в гостях а дома всё повторялось. Так мы с мамой и молчали постоянно, старались вести себя культурно.

Глава 2. Сад

Вокруг стоит невероятный шум и грохот. Несколько десятков маленьких детей кричат, переговариваются между собой, хлопают дверцами своих шкафчиков и обрушивают все эти звуки на меня. Кажется, они никогда не останавливаются, а просто живут в ежедневном потоке, не оглядываясь на то, что они вообще делают. Как жаль, что я не такая, ведь я сейчас стою и разглядываю каждого, почему-то мне кажется, что все такие нормальные, обычные, вот прям самые обыкновенные дети, а я какая-то странная, неуклюжая, не сформированная как надо. Будто я стою и не вписываюсь в поток, льющийся вокруг меня, как единственная рыба, плывущая против течения.

У всех свои занятия, свои интересы. А мои интересы строятся из оценки того, что будет выглядеть нормально. Я никогда ничего не делаю, если мне кажется, что это будет выглядеть странным. Зачем же мне ещё добавлять, я и так не вписываюсь в этот мир.

И вот теперь мы все стоим в маленькой душной раздевалке. Все переодеваются, не обращая внимания ни на что вокруг. Я же думаю о том, почему, за что мы все должны переодеваться в одном маленьком пространстве, где каждый на виду друг у друга. Конечно, остальным это не создаёт никаких проблем, но я-то, я стою и не могу переодеться, потому что я стесняюсь своего тела.

Вместо того чтобы переодеваться, я разглядываю тела остальных детей, смотрю на маленьких стройных девочек, и мне сразу становится ещё более некомфортно в своём теле. «Как же так получилось, что мне только исполнилось четыре года, а я уже такая жирная», – вот о чём думаю я, стоя в раздевалке среди остальных детей.

Какие у них тоненькие ручки, ножки, а я всегда была крупной, мне всегда об этом говорили родственники, мол, я вся в папу, но только сейчас я по-настоящему ощутила, что я вся в папу, и возненавидела себя за это.

Мне захотелось сесть на маленький пуфик в раздевалке и расплакаться, просто и по-детски. Однако, во-первых, папа и бабушка сейчас бы наверняка сказали, что это некультурно, вот так сидеть и хныкать посреди раздевалки. «Нужно показывать себя с лучшей стороны», – услышала я слова бабушки Светы, прорывающиеся сквозь крики детей. А во-вторых, наверняка это выглядело бы ещё страннее, чем обычное моё поведение. Так что я решила отказаться от этой идеи.

Что же делать, время идёт, все переодеваются, а я стою как истукан в своей маленькой юбочке в синюю полоску и майке с пуделем, стою и не знаю, что делать.

– Николь, а ты почему не переодеваешься? – спрашивает меня девочка у соседнего шкафчика, я даже толком её имени не помню, кажется, что-то на «Ю», мне сразу стало перед ней за это неловко, она-то ко мне по имени обращается.

– Сейчас буду, – тихо ответила я.

Всегда, когда нервничаю, я отвечаю тихо и лишь отдельными словами. Окружающим иногда кажется, что я просто грублю так, но нет, на самом деле я никогда не отвечаю грубо, бабушка говорила, это невежливо, так что если не знаю, что ответить, я либо молчу, либо перехожу на шёпот и односложные фразы.

Девочка в розовой юбке отворачивается и спокойно продолжает переодеваться, пока я взглядом рыскаю в панике по всей раздевалке. В её углу я вижу, как между шкафчиками образовалось небольшое пространство, и проскальзываю туда, оглядываясь, чтоб никто не заметил. И вот я стою вместе со шваброй в небольшом закоулке, трясясь от страха, чтобы меня никто не заметил. Я хочу быть невидимой, стать маленькой-маленькой, чтобы можно было положить меня в карман и унести, и наперекор своему желанию я как никогда чувствую, насколько большие мои руки, бедра, особенно живот. Мне быстро приходится сдёргивать с себя одежду и переодеваться в спальные вещи. Тело сопротивляется моим попыткам стянуть с себя майку, оно стало таким мокрым, нервы дают о себе знать, я вспотела, и теперь пот стекает ручьями по моему жирному животу. Какой же это ад, мне хочется просто закричать. Такого не может быть на самом деле, не со мной. А самое ужасное в этом всё то, что это происходит каждый день, я борюсь с этим адом каждый день, что за извращенцы сделали совместную раздевалку в садике.

И вот весь этот ад я прошла, чтобы попасть в новый – совместные спальни. Прекрасное, светлое и просторное место, так и не поймёшь, что есть подвох, но меня уже не обманешь. Уколовшись один раз, я больше не встану на те же грабли.

А как же приятно стоять на мягком ковролине в спальне детского сада, когда он обволакивает босые ножки и немного щекочет. Я медленно иду на своё место. Все кровати у нас раскладные, одна кровать раскладывается сразу на четыре этажа. Я сплю на третьем уровне.

И вот лежу, смотрю в потолок, пока остальные дети раскладываются по своим кроватям. В комнате стоит гул, все переговариваются и перешёптываются, никто не хочет успокаиваться. Меня в сон тоже не клонит, но я знаю правила сада, нужно спать, значит, буду спать или хотя бы делать вид, что сплю.

Слышу движение сзади и поворачиваю голову – там на соседней от меня кровати лежит моя подруга Диана. Диана одна из немногих моих подруг, хотя подружкой её толком и не назовёшь, в принципе, мы общаемся, потому что её родители дружат с моими бабушкой и дедушкой. Дианин папа – знакомый моего деда Андрея, поэтому мы постоянно играем вместе, когда они собираются, чтобы поужинать, вот так и подружились. А потом нас отправили в один садик, я этому, честно говоря, очень обрадовалась, я не умею заводить новые знакомства, поэтому хорошо, что есть Диана, с которой мы и так знакомы. Кроме неё подруг у меня больше в садике нет.

Не скажу, что Диана прям мой человек. Она скорее моя полная противоположность: резвая, громкая, деятельная, к тому же миниатюрная и худая, не то что я, скромная, тихая, да ещё и жирная. У Дианы красивые длинные чёрные волосы, которые она заплетает в толстую косу, а у меня какие-то грязно-русые пёрышки вместо нормальной причёски. Да, сказать откровенно, я завидую Диане, она гораздо красивее, привлекательнее и к тому же уже имеет какие-то успехи в спорте, она занимается спортивной акробатикой.

Вот и сейчас мы лежим с ней на соседних кроватях, она в своём роскошном виде: в шелковой пижамке и с расправленными по плечам длинными густыми волосами – и я, такая большая и несуразная, в своей облезлой жёлтой пижаме с феями Винкс, ну позор, да и только. Не то чтобы я стеснялась того, что родители Дианы гораздо богаче моих, но всё же было заметно и неприятно. Несмотря на это, я любила Диану, любила за то, что она есть, ведь если не она, мне бы пришлось одной таскаться по саду и искать себе приключений, что выглядело бы

странно, всё же нормальные дети находят себе друзей и играют с ними, иногда по парам, иногда даже в тройках и группах, а я, если б не Диана, ходила бы одна-одинёшенька.

– Дети, тише! – кричит воспитательница, длинная и худая Юлия Борисовна, я всегда её ненавидела, такая мерзкая, вечно так и хочет меня выставить в ещё более позорном виде, чем даже я есть на самом деле, хотя природу переплюнуть сложно, но иногда после сна она мне такие ужасные причёски делала, что страх Господний, без слёз в зеркало не взглянешь, а Диане она однажды сказала, что та похожа на ведьму, ничегошеньки она не понимает в отличных девичьих причёсках и просто завидует, Диана ни капли на ведьму не похожа, ну, конечно, я имею в виду ту страшную ведьму, что снится в кошмарах. А теперь она кричит своим скрипучим голосом, кричит и хлопает в ладоши для большей значимости. Только вот её никто не слышит, все увлечены своими делами и продолжают разговаривать.

Я смотрю на Диану, а она своим прекрасным личиком корчится и пытается пародировать Юлю Борисовну, невольно мне стало смешно, и я чуть-чуть улыбнулась.

В этот же момент подросла скрипучая ведьма воспитательница.

– Так, всё, мне это надоело! Теперь кто не спит – получит наказание. Сейчас ложитесь спать, а когда будете вставать, я буду называть вас по именам, и только кого я назову, сможет встать с кровати, остальные останутся лежать в кроватях до вечера.

Повисла гробовая тишина, никому не хотелось спать до вечера. Все дети притихли. Я отвернулась от Дианы и сделала вид, что сплю, на самом деле сна не было ни в одном глазу. Я лежу и смотрю в потолок, а те редкие моменты, когда воспитательница ко мне поворачивается, закрываю глаза.

Проходит уже час, уже больше часа, мы лежим в мучительном ожидании, тишина заполняет в каждый уголок комнаты, и создаётся впечатление, будто стенки сжимаются, пространство становится твёрдым и неприятно ощутимым.

Наконец, начинают называть имена: первое – не моё, второе – тоже не моё, третье – и опять не моё. Я лежу и думаю, думаю о том, как же жизнь несправедлива, я даже не разговаривала, а меня наказали настолько, что почти все уже вышли, а я до сих пор лежу. Лежу и слушаю, как в груди бьётся маленькое сердечко: тук-тук-тук, как будто оно сейчас выпрыгнет из телесной оболочки и взлетит к небесам.

И вдруг случается самое ужасное. Юлия Борисовна, она просто встаёт и выходит из спальни, а ещё несколько детей остаются лежать. Приговор наш понятен, лежать нам до скончания веков на этих кроватях, пока господа родители не придут нас забрать из этого ада для детей.

Сердечко у меня в груди начинает отбивать невообразимо быстрый ритм, я уже задыхаюсь от тревоги. Остальные дети, а нас осталось человек пять, начинают вставать и просто уходить без разрешения воспитателя. Всё, все уходят, а я остаюсь лежать. Потому что как это я ослушаюсь воспитательницу, а вдруг мой приговор тогда изменится, и это будет публичное повешение, а вдруг меня отлупят при всех, если я выйду, нет, лучше уж буду лежать, здесь хотя бы никто меня не видит. Однако сердечко колотится, колотится и колотится. Про себя я делаю вывод, что больше никогда не вернусь в это место, скажу родителям, что заболела, или брошусь под машину по дороге из детского сада, всё лучше, чем терпеть это ещё хоть раз,

ещё раз посмотреть в глаза тем людям, которые стали свидетелями моего позора, свидетелями того, как все вышли, а я осталась лежать.

Вдруг дверь в спальню опять открывается, я с надеждой поворачиваюсь, думая, что это воспитательница пришла меня вызволять. Однако это всего лишь Диана. – Николь, ты чего лежишь? Там все уже вышли, – спрашивает она, я слышу по её голосу, что она искренне не понимает, почему я лежу, а у меня слёзы на глазах, как же я встану.

– Мне не разрешили встать, – выходит из моего маленького бледного рта напуганный шёпот.

– Да хватит, всем уже можно, выходи, – зовёт меня Диана, зовёт и манит своими ручками, но я не поддаюсь.

– Нет, я буду лежать, пока мне не разрешат выйти.

Подруга лишь вздыхает и выходит из комнаты. Спустя время я слышу через открытую дверь, как Диана говорит воспитательнице:

– Там Николь лежит в кровати, она боится встать, разрешите ей, пожалуйста, вернуться в группу.

Какое же унижение я испытываю от этого момента, мне хочется сгореть, провалиться сквозь землю, заснуть прямо сейчас и больше не проснуться никогда. Я слышу шаги воспитательницы, она входит в спальню и, почти не смотря на меня, бросает небрежное «выходи».

Конечно, я рада выйти, но не таким же способом, Диана буквально опозорила меня, но я поблагодарю её за это, она же для меня старалась, она искренне хотела мне помочь.

Выхожу в комнату, все уже переоделись из пижам обратно в дневную одежду и теперь играют и развлекаются. Диана смотрит на меня с недоумением, ей непонятно, как можно быть настолько трусихой, а мне понятно, это моя жизнь. Какое же унижение я испытываю, когда приходится переодеваться у всех на виду, когда ты переодеваешься одна, а остальные лишь бросают на тебя беглые взгляды, в которых звучит непонимание, а иногда и насмешка. Могу думать только лишь о том, как же я ненавижу садик, вот и всё.

Не прошло и двух дней, как вновь что-то случилось. Я стою за дверью музыкального класса, стою и разглядываю картинки на бледных стенах, мне больше нравится смотреть на лампочку, прям в упор, иногда в их свете можно что-то и разглядеть, лично я там вижу весь ужас моего существования, и становится страшно, но я всё равно смотрю.

Ситуация вышла как никогда банальная, все кричали, я улыбалась, и моя улыбка, видимо, очень сильно выделялась среди остальных. Меня решили выгнать из класса. Теперь я стою за дверью и сгораю от стыда. В прямом смысле сгораю, в отражении стеклянного шкафа видны мои красные щёки, стало ужасно жарко, но я просто стою и продолжаю улыбаться. У меня так всегда. Когда случается что-то плохое или я очень нервничаю, я начинаю улыбаться, это не улыбка, скорее оскал, своеобразная защитная реакция, благодаря которой у меня получается сдерживать слёзы, плакать хочется часто. А как по-другому, если вся моя жизнь – это сплошной стыд.

* * *

Я думала, в садике будет по-другому, что здесь мне больше не придётся терпеть этого постоянного позора, который на меня сливала бабушка Галя. Однако я ошиблась, даже здесь

проходят утренники, и бабушке, конечно, захотелось, чтобы я играла главную роль, а мне, конечно же, захотелось, чтобы у меня была второстепенная и незаметная роль. Ох, сколько бабушка скандалила, сколько раз повторяла мне, что я дура, что это отличная роль.

Главная роль была у королевы лягушки, и все наверняка подумали, что я просто брезгую выступать в такой роли, но на самом же деле я просто хотела быть незаметной, а не в центре внимания. Ведь какая разница, какую роль ты сыграешь, когда тебя никто не заметит.

А как-то раз произошла ситуация, из-за которой я до сих пор хожу и стыжусь себя. Мы стояли в тишине и разминались в большом спортивном зале. И тут вдруг тишину прерывает:

– Фу, Пономарёва, ты что в носу ковыряешь, иди быстро руки вымой, – с отвращением приказал наш тренер Егор Вадимович.

Я просто онемела, ничего не могла понять и пулей вылетела в коридор, даже не знаю, как я туда дошла, вышла из зала, села на лестницу и начала плакать. Всё, все начали смеяться и оборачиваться на меня. А я думала: «За что, за что так жестоко, я же ребёнок, ему разве удовольствие доставляет доводить детей до истерики?» Как же я завидовала детям, которым не нужно ходить в садик, которые могут просто быть дома с родителями. Мне так не повезло, мои родители работали, к тому же недавно родилась Катя, моя маленькая сестричка, и за ней нужен уход. Я не буду усложнять им жизнь ещё и своими проблемами в садике, к тому же они мелкие и незначительные, каждый ребёнок должен справляться с такими трудностями, надеюсь, у меня получится, хотя даже если нет, я всё равно буду говорить родителям, что у меня всё хорошо, что в садике всё прекрасно, что бабушка никак меня не напрягает, пусть они останутся в неведении о том, как сильно я хочу поскорее уйти в свою страну фантазий, уйти и не вернуться.

Вскоре мои дела в садике ещё ухудшились. У Дианы обнаружили какие-то проблемы с речью, и её перевели в другую группу, а я осталась одна. Это ужасно, ужасно, когда не с кем даже встать в пару по пути в столовую, ужасно, что «доброе утро» говоришь только для воспитательницы, ужасно, что игрушки не с кем обменивать.

К счастью, вскоре к нам в садик пришла она, Катя. Катечка стала моей лучшей подружкой почти сразу. Я как увидела её, поняла, что вот он, мой человек. Не знаю, как толком мы сдружились, наверно, помогло то, что у неё уже были какие-то навыки общения с людьми, в отличие от меня, поэтому Кате иногда приходилось мириться с некоторыми моими странностями, и она это делала, просто закрывала глаза, а я просто старалась исправиться.

Каждый раз приходя в садик, я любовалась своей невероятно красивой подругой, мне было непонятно, как остальные не замечают её красоты. Почему воспитательница некоторым девочкам в группе говорит, что они красавицы, а Кате не говорит, я-то понятно, я не красotka, но Катя. Про себя я всегда звала её «Катя светло солнышко», она и правда была похожа на солнце, вся светила. Она как будто сошла с картинки журнала, где показывали счастливых детей, всегда улыбается мне своими пухлыми губками, длинные, тёмно-русые, густые волосы обычно заплетены в два хвоста, туго и крепко огибающих круглое лицо.

А ещё счастливее я становилась от понимания, что в мою жизнь одновременно вошли две Кати и обе обещают сделать меня лучше и любимее.

У меня появилась сестра, и назвали мы её Катя. Помню осенний и дождливый день, когда я в своём белом пальтишке и таком же белом берете стояла под окнами роддома и вслушивалась в звуки оттуда.

– Веди себя спокойнее, – попросила бабушка Света, потому что я попыталась залезть на подоконник окна. Я тут же успокоилась, но как можно спокойно стоять, когда твоя мама и, может быть, уже сестра там за дверью, за окном, за этим вечным возмущением уборщиц.

– Почему нам нельзя войти? – спросила я у бабушки. Она мне тогда объяснила, что маме делают кесарево, что такое кесарево, я поняла уже дома, когда увидела мамин разрезанный живот. И ни в коем случае не из-за этого, наоборот, даже кесарево кажется мне наилучшим вариантом рождения ребёнка, просто когда я стояла там под роддомом, слушала крики рождающихся детей из окон открытых палат, во мне зародился жуткий страх, я не хочу рожать, уж лучше усыновить ребёнка, всё что угодно, лишь бы не терпеть эту боль. Да и не в самой боли суть, я, как только начинаю представлять, что внутри меня что-то будет жить, а потом выходить, какая же это мерзость, это даже представлять страшно, не то что хотеть такое.

Сестра оказалась совсем не такой, какой я себе представляла её, она была гораздо плаксивее и мрачнее, я-то представляла себе ребёнка радостного, а здесь Катя. Родители совсем перестали на меня обращать внимание, теперь ведь появился новый ребёнок. И пришлось мне строить как-то свою жизнь в садике.

Однако в садике всё было не так плохо, мы с Катей везде ходили вместе, в игрушки играли вместе, ели вместе, спали вместе, в этом и есть свой особенный баланс, когда находишь своего человека. Однако вскоре, когда мне уже было пять лет, к нам в группу пришёл новый мальчик Яромир, до ужаса странное имя, но его зовут именно так.

Он попытался расстроить наши с Катей отношения. Как именно, спросите вы, он начал за нами обеими ухаживать. Так он меня этим раздражал. Я понимала, что он делает всё это специально, или, может, мне просто показалось, что специально, я не верила, что в такую, как я, можно влюбиться, в Катю-то, конечно, да, она красивая, и формы у неё уже женственные, но не в обеих же сразу.

Вот так вот подойдёт он к нам одним жарким денёчком и начнёт приставать, бегать за нами и пытаться поцеловать или обнять, говорил нам:

– Девочки, вы такие красивые.

Но это ещё было нормально, хуже было, когда он говорил это нам по отдельности, просто отворачиваясь.

– Николь, ты такая красивая, – и мне сразу начинало казаться, что я, наоборот, некрасивая.

Мы с Катюшей делали вид, что не замечаем его, ну, по крайней мере, я делала, возможно, Катя действительно его не замечала. Однако во мне каждый раз, когда случалось что-то подобное, возгоралась непонятная вспышка, такая резкая и обжигающая изнутри. Мне вовсе не нравился Яромир, но мне нравилась эта ужасная форма внимания, она мне нравилась, и я корила себя за то, что мне она нравится, ведь это же глупость и полный абсурд.

Конечно, на долю секунды было приятно ощутить себя в центре чьего-то внимания, но потом я тут же вспоминала о Кате, он пытался разлучить меня с ней, и я, естественно, воспринимала его как врага. Один раз я его чуть не избила, точнее говоря, ударила, а дело дальше не зашло. Каждый Катин взгляд на него воспринимался мной как измена с её стороны, как будто она хочет бросить меня ради этого глупого мальчика, который ничего из себя не представляет.

И как же неприятно мне потом было выслушивать от бабушки Гали, которая забирала меня из садика.

– Как там Яромирчик ваш? – спрашивала она таким заговорщицким тоном, как будто он мой жених, и всё это из-за того, что как-то этот больно хороший мальчик подошёл к ней на площадке поздороваться и сказал ей, что я ему нравлюсь.

– Не знаю, – вздыхала я, делая вид, будто даже не припоминаю, о ком она говорит.

– Ну как же, Николь, ну что ты, поклонник же твой.

– Нет у меня поклонников.

Этот разговор сразу же начинал выводить меня из себя, я боялась, что сейчас сорвусь уже на бабушку.

– Давай не будем об этом говорить, пожалуйста.

– Ой-ой-ой, ну я поняла. То-то ты всё такая загадочная ходишь, о кавалере думаешь!

Я просто закрывала руками голову и отворачивалась от бабушки, о, как же это невыносимо, зачем вообще лезть, куда не просят?

Бывали и хорошие дни, когда из садика меня забирал мамин папа, дедушка Коля. Я очень его люблю. Его шутки всегда поражают в самое сердце. Он, если что скажет, так хоть стой, хоть падай от хохота.

Высокий, худой, вечно с сумкой через плечо и в очках, больших очках. Он не любил покупать новые вещи, даже если мама ему что-то предлагала, он отказывался, а ходил в поношенных рубашках. Мне нравился этот запах застиранных вещей, и рубашки со временем становились такими мягкими, потрёпанными, что когда я его обнимала, даже отпустить не хотелось эту бархатистую мягкую поверхность.

Так мы с ним и шли, в тишине, шаг за шагом. А я иду и улыбаюсь, оттого что мне так хорошо с ним в этой тишине, он не думает меня перебивать, я могу думать, о чём захочу. К счастью, дедушка не был любителем влезать в чужие дела, это и давало ему кучу привилегий в моих глазах. Всегда, когда родители уходили, я просила, чтобы с нами остался именно дедушка, потому что он сядет, заварит себе чай и будет смотреть телевизор, пока мы не попросим сделать еды, или ответить на наши вопросы, он идеальная нянька, прямое доказательство того, что мужчины тоже могут отлично обращаться с детьми, а иногда даже лучше, чем женщины.

Идём мы по склону вверх, от садика к моему дому. Вокруг шумят машины, ветер бьёт нам в лицо, а мы идём размеренным, спокойным шагом, как будто мир остановился, как будто есть только я и дедушка.

– Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь в магазине купил? – дедушка всегда об этом спрашивает, у нас обычай заходить в магазин за небольшой коробочкой с игрушкой, такие игрушки обмениваются в садике на заднем дворе. Поэтому я киваю, и мы заходим в магазин. Дедушка берёт хлеб, пачку сигарет, а я хватаю игрушку, мы покупаем и вместе счастливые идём домой. Дедушка курит новенькую сигарету, дым разлетается и поднимается, клубится над тротуарами, пока я уже распаковала новую пони, она розовая с фиолетовой причёской, станет отличным дополнением коллекции.

– Спасибо, дедушка.

Глава 3. Запахи

Прекрасный осенний день радует ясным солнцем. Я иду в своём бирюзовом платье, которое мама украсила розовым пояском и искусственными цветами. А как она похлопотала над моей причёской, это отдельный круг ада. Мама всегда должна была выглядеть идеально, а мы с Катей как её дети должны были соответствовать.

Мне было грустно, что в садике пришлось расстаться с моей лучшей подругой, но больше меня пугало то, что теперь это будет новый коллектив, в котором я опять никого не знаю, все опять будут смеяться надо мной, а я опять буду выглядеть как одинокая дура. Да, именно так я себе представляю школу, пока мы идём по просторной улице, машины гудят, от тюльпанов в моих руках доносится прекрасный аромат, однако больше никогда я не смогу подарить кому-нибудь эти цветы, теперь они связаны в моей памяти только с этим ужасным днём.

Я уже испытываю невероятный стыд, оттого что мы идём в школу все вместе, всей семьёй, даже бабушки тут, какой же это ужас, ведь я и сама вполне могла справиться.

Школа выглядит маленькой и обшарпанной, в некоторых местах откалывается краска, три десятка таких же, как я, нарядных детей стоят у входа. Мы ждём некоторое время, я уже начинаю терять терпение.

Вдруг дверь школы открывается, и к нам навстречу выходит, ну, точнее, еле-еле идёт какая-то бабушка, поначалу я ничего не поняла, а потом оказалось, что это наш классный руководитель, вроде как эта пожилая женщина заслуженный математик, и родители настояли, чтобы она была у нас преподавателем. А мне вдруг стало страшно, что эта женщина прям здесь сейчас и без чувств грохнется, ей на вид лет восемьдесят, а по правде и того больше, восемьдесят два вроде, как она собирается нас учить?

Пока я стояла в шоке, мама подтолкнула меня в центр событий, где вся группка ребят заходила в кабинет.

Класс был самый обыкновенный и скучный, я сразу поняла, что ничего хорошего от этого места точно ждать не следует. И вдруг встал вопрос, с кем же я буду сидеть. Как-то вдруг получилось, что все рассредоточились по своим местам и нашли пару, а я стою одна-одинёшенька и смотрю на одну-единственную свободную парту, за ней сидит какой-то полный мальчик с глазами навывкате и смеётся дурным смехом. Но делать нечего, сажусь рядом с ним, и вдруг до меня доходит такая вонь, как будто этот пацан с самого рождения не мылся. И всё, дальше я ничего не понимаю. Учительница стоит, рассказывает что-то у доски:

– Здравствуйте, дети, я ваш классный руководитель, – а дальше пустота, которую заполняет запах пота. Очнулась я только тогда, когда она начала рассказывать нам про портфолио, говорила, что это очень важно, нужно иметь папку с достижениями:

– Дети, в конце года я буду проверять ваши портфолио и награждать тех, кто будет особенно стараться.

А у меня не то что портфолио, у меня достижений толком нет, ну ходила я на танцы, выступала, но мне это не пошло, и своими выступлениями я не горжусь. Стало мне понятно, что нужно искать что-то новое.

В раздумьях я и просидела весь классный час, а потом выбежала на улицу, где меня ждали родственники всей гурьбой, и поняла, что сейчас начнётся...

– Ну что, ты теперь у нас взрослая, – улыбается бабушка Галя, – а взрослая поест ещё не хочет? – спрашивает она свой любимый вопрос. Я лишь вымученно закатываю глаза.

– Ученик наш, – поддакивает ей бабушка Света.

– Ты смотри, побольше двоек получай, – шутит дед Андрей.

– Ну как ребята, с кем-нибудь познакомилась? – доносится ко мне уже непонятно от кого, а может быть, и ото всех сразу. Стараюсь вырваться из этого круга и подбежать к маме. А она стоит наготове, у неё своя цель – сфотографировать меня. К счастью, все фотографии мы сделали по пути сюда, и теперь остаётся только небольшой снимочек на память – готово. И мы с мамой идём под руку вдоль дороги.

– Мам, мне портфолио нужно.

– Ну сделаем, раз нужно, добавим туда твои танцевальные успехи.

– Не хочу танцевальные, хочу какие-нибудь новые.

– Может тебя, на волейбол отдать, – слышу я сзади голос папы, – или на баскетбол, будешь у меня спортсменкой нормальной.

– Ну я ещё подумаю, – робко говорю я. Папу обижать не хотелось.

– Да, безусловно, надо ещё подумать, походишь, попробуешь, где тебе больше понравится, там и останешься, – приобняла меня мама, и мы вместе улыбнулись друг другу.

Через несколько дней мы с мамой и её сестрой ходили в цирк. Уже поднимаясь по лестнице из гардероба на выход, мама вдруг увидела на стене бумажку, в которой значилось, что идёт набор в молодёжную цирковую группу.

– Николь, а ты случайно не хочешь попробовать походить в цирковую студию? – спросила она меня, разглядывая в руке небольшой листок.

– Конечно, хочу! – обрадовалась я. В моей голове цирковая студия выглядела как идеальное место для игры и развлечений с животными.

Так и произошло, что мама записала меня в цирковую студию. На следующий день мы пришли туда в назначенное время. Я крепче сжала мамину руку, потому что испугалась ещё одного нового коллектива.

Заходить надо было с другой стороны здания цирка, вход для персонала такой. Только шагнув туда, я ощутила незабываемый животный запах, он во всём цирке чувствовался, но эта часть оказалась особенно пропитанной животным духом. Я немного поморщилась, но деваться уже было некуда.

Нас встретил тренер, и мама успешно передала меня ему, только оставила мне сумку с одеждой. Я удивилась, думала, переодеваться вообще не понадобится, но когда открыла сумку, ужаснулась, там лежала форма ещё хуже, чем у меня раньше была на танцах, она полностью всё облегалала и подчёркивала, а с моим животом и ляжками такое просто унизительно.

Я стояла почти не шевелясь и постоянно подтягивала коротенькие шортики ближе к коленям. Мне казалось, что смеялись с меня все, вся группа, как на самом деле – не знаю, мне хотелось только плакать.

Однако к концу занятия мне удалось успокоиться и взять себя в руки. Я даже научилась жонглировать тремя мячами, а это уже успех.

Но долго я в цирк не проходила, помешал мой безграничный стыд за своё тело. И потихонечку я оставила неудобные шорты на полке, чтобы вернуться к своему привычному образу жизни. Не сказать, что я была им довольна, скорее у меня не было другого выхода. Мне постоянно очень мешали моя дотошность и брезгливость.

Со школы меня обычно забирала бабушка Галя, хотя я скандалила и хотела ходить сама, ведь живём мы недалеко, а бабушку я стеснялась. Я очень люблю её, но почти каждый день превращается у нас в скандал.

Прохладный осенний день, мы с бабушкой Галей идём из школы. Я, как всегда, выбежала самая первая, чтобы никто из одноклассников не увидел, что меня бабушка забирает, не знаю почему, но большинство ребят даже в первом классе ходят сами.

И мы идём, бабушка берёт меня под руку, это мне тоже неприятно, я не любитель прикосновений, но разве ей это объяснишь. Я бы предпочла уйти в свои мысли и помечтать немножко, но у бабушки другие планы.

– Да... Что опять самая первая выбежала, стесняешься меня, да? – начинала она грустным тоном, который, наверно, должен был вызвать жалость, но во мне вызывал лишь безграничное раздражение, потому как одно и то же повторялось каждый день. – Старенькая бабушка ходит за ней в школу, а она стесняется меня. Чего молчишь? Как дела в школе, расскажи.

– Как всегда, – отвечала я, потому как ничего хорошего сказать было нечего, русский язык никогда мне не давался, все диктанты я проваливала и писала очень неграмотно.

– Что именно? Опять по русскому тройка?

– Да, – вздыхала я и отворачивала голову в другую сторону от бабушки.

– Ой, Николь-Николь, вечно эта твоя невнимательность. Я же тебе говорю, тебе нужно больше писать, писать – писать и писать, – она повторяла эту фразу каждый день, я просто выучила её наизусть уже, бесполезно было объяснять бабушке, что дома вечерами с мамой я пишу-пишу и пишу, потому что у мамы всё должно быть написано идеально. Бабушка никогда не слышала то, что я ей говорю, для неё меня как будто не существует, как будто я появляюсь в те моменты, когда она этого хочет.

От школы до бабушкиного дома совсем недалеко, и вот мы уже входим во двор. Ничего примечательного здесь нет, обычный двор, который находится внутри комплекса из нескольких девятиэтажных старых зданий, в одном из таких и жили бабушка с дедушкой. Я шла по двору вслед за бабушкой и рассматривала скрипучие качели в противоположном углу от меня. Они так манили, так звали к себе, но я понимала, что сейчас для меня это блаженство недостижимо.

Всё бы отдала, чтобы не заходить в этот ужасный подъезд, а остаться здесь на воздухе, тем более двор в это время свободен, никаких наркоманов и пьяных студентов, всё чисто, я бы могла пойти покататься на качелях. Однако бабушка открывает подъезд, и мы заходим.

Сразу же мне в нос бьёт отчётливый запах мусорных помоев, ужасный запах, я иду и прикрываю нос, а бабушка уже свыклась, их соседка, очень старенькая бабушка, от старости уже немного не в себе и потому таскает мусор в квартиру, а через вентиляцию запах разносится везде. Самый мой большой страх – это встретить эту старушку, когда буду одна идти к бабушке по этому мрачному подъезду.

Один раз мне уже удалось её встретить. Я спускалась от бабушки и хотела пойти домой, когда вдруг услышала перед собой шаги, она шла по лестнице, тоже спускалась вниз, худая до невозможности, волосы седые, почти белые и не собраны никак, просто растрёпаны по плечам, шла она в каком-то ободранном халатике и еле-еле переступала со ступеньки на ступеньку. Мне надо было её обогнать, чтобы пойти вниз, и медленно-медленно я начала потихонечку её обходить, пока не увидела её лицо, тоже всё ободранное: один глаз навывкате, под ним почему-то синяк и невообразимо большая нижняя губа, В совокупности всё выглядело очень страшно.

И, потеряв своё последнее самообладание, я просто бросилась вниз по лестнице, только бежала и оглядывалась, думала, а вдруг она бежит за мной.

С трудом преодолев подъезд, мы с бабушкой зашли в квартиру. Дедушка, как всегда, лежал на диване и поднялся, когда услышал наши шаги.

– Привет, моя дорогая, – обрадовался, он и мы начали обниматься.

– Здравствуй, дедушка.

– Ну что? Сыграем сегодня в шахматы? Ты меня вчера обошла, жду не дождусь реванша.

Предложение дедушки было заманчивым, мы с ним частенько играли в шахматы, он же меня и научил, вообще он любил играть со мной в разные игры.

– Олег, отстань от неё, какие шахматы, ей уроки надо делать, – начала возмущаться бабушка прямо из коридора, она просто не умела отвечать спокойно, дедушка закатил в глаза и вышел на кухню попить воды.

Раньше я могла просто не замечать некоторых нюансов в силу своего маленького возраста, но сейчас я стояла в крохотной бабушкиной квартире с обшарпанными стенами, старой мебелью и могла чувствовать только запах, этот ужасный запах какой-то столовой, места, где готовили много еды, где все стены пропитаны маслом. Возможно, некоторым этот запах может показаться приятным, но я считаю его тошнотворным. А самое ужасное, что сейчас в этой антисанитарии бабушка приготовит мне еду и я должна буду её съесть во что бы то ни стало. Я ненавижу бабушкину еду, потому что когда её ем, всегда представляю, в каких условиях она готовилась, и мне просто становится невыносимо, у меня не получается просто заглатывать, а бабушка постоянно злится и обижается на то, что я не хочу есть её еду.

Вот и сегодня мне предстоит как-то запихнуть в себя то, что бабушка мне преподнесёт. Конечно, я чувствую себя неблагодарной и ужасной внучкой, но ничего с собой поделать не могу, не хочу есть, и всё, что тут поделаешь, ведь не хочу значит не хочу, разве так сложно бабушке это понять?

– Николь, садись кушать быстрее, а то нам ещё уроки делать! – кричит бабушка из кухни.

Я сажусь в кресло и уже предчувствую что-то плохое, ведь бабушка готовит как для себя, а вкусы у нас с ней разные, почему я сама не могу себе что-нибудь купить, зачем обязательно давиться чем-то не привлекающим моё внимание.

Я подвигаю к себе табуретку, всю облепленную жиром и неприятную на ощупь. Конечно, бабушка с дедушкой убираются, но в силу возраста всего сделать не смогут, а мне что делать в таком случае?

Бабушка выносит и ставит передо мной тарелку с непонятной субстанцией.

– Приятного аппетита! – говорит она и кладёт с другой стороны вилку. Видимо, моё лицо изменилось при виде данного произведения искусства, потому что бабушка вдруг сказала: – Да, есть нужно всё, чтоб без выкрутасов мне тут.

Я подношу вилку ко рту и рассматриваю содержимое, это какой-то рис с подливкой и морковкой, правда, возможно, туда ещё таракана крошили, зная бабушку, всё возможно, у меня было такое, что я и таракана находила. Рвотный позыв уже идёт, но я всё же пытаюсь совершить попытку невозможного. Беру и опускаю вилку в рот, после чего сразу выдёргиваю её и начинаю жевать. На языке лежит что-то холодное, горькое, то ли сладкое, скорее сладкое, но при этом горькое, и общая характеристика этого всего – отвратительное. Честно говоря, я не могу есть горячие блюда, которые предназначены, чтобы быть тёплыми, в холодном виде,

я говорила об этом бабушке, но её не сильно волнует моё мнение, она считает, это все игры, на самом деле человек что угодно может съесть, в этом я спорить с бабушкой не буду, бабушка всё-таки ребёнок войны. Однако рвотный рефлекс поступает, я аккуратненько выплёвываю рис в салфеточку.

– Я наелась бабушка, не хочу сегодня есть, – пытаюсь я вымолить своё отстранение от употребления бабушкиной стряпни.

– Так, Николь, не выделывайся, быстро ешь. Давай-давай, не обижай бабушку.

Бабушка махнула мне рукой в сторону тарелки, мол, не отвлекайся, берись за дело. А я просто продолжила дальше смотреть на тарелку, меня выворачивало от одного запаха, как я должна была это съесть?

– Николь, ну что ты в самом деле! Огорчаешь меня сегодня, – бабушка схватила ложку и начала сама запихивать мне еду в рот.

Я начала уклоняться, рис сыпался, всё моё лицо уже было обмазано жирной подливкой, а ложка больно царапала мне губы. В конце концов бабушке всё-таки удалось засунуть мне целую ложку риса прямиком в рот, спустя мгновение этот рис вышел из меня прям в тарелку.

– Фу, какая ты дрянь! – заорала бабушка и со всей дури этой же грязной ложкой ударила мне по голове.

Хотелось плакать, очень хотелось плакать, но я помнила, что плакать некрасиво и некультурно, а нужно быть сдержанной, нужно быть хорошей девочкой. И мне пришлось пихать в себя эту массу, меня тошнило, слёзы вот-вот подбивались, но я ела, ведь я же хорошая девочка. А потом я просто попросила у бабушки прощения. В конце концов мы с ней помирились, бабушка простила меня, а внутри я чувствовала неприятную горечь. Как будто я до сих пор не могу отмыть тот жир от ложки, который она оставила на моём лице и на голове, это очень неприятно и мучительно.

Каждый раз в такие моменты мне кажется, что жизнь больше не будет прежней. Но вот я прихожу домой и не говорю ни слова родителям о случившемся, ведь ничего особенного не случилось.

И этот квест мне приходилось проходить всю неделю, пока не наступала пятница. В пятницу на выходные я уходила к бабушке Свете. Она также живёт недалеко, мы все живём практически на одной улице.

Выйди из дома, спустя пять минут я была уже у бабушки, она, как всегда, приветливо меня встретила:

– Привет, внучка! – и заключила меня в объятия.

– Привет, ба, а где дедушка? – поинтересовалась я, раздеваясь в коридоре. Дедушка обычно тоже выходил встретить меня.

– Он на работе задержался. Сейчас мы с тобой сходим деда Колю проведать, а потом и он вернётся.

Ну и вот опять, как же я не хотела идти к бабушкиным родителям, хотя они тоже жили в пяти минутах отсюда. Это было вовсе не потому, что мне было скучно ходить с бабушкой, нет. Просто мне опять мешала моя брезгливость. Бабушкина мама, честно говоря, была не очень хорошей хозяйкой, да ей это и не нужно было, а дедушка вообще почти не мог ходить сам в силу возраста. Так и получалось, что мне было неприятно там находиться.

– Ба, а можно я сегодня не пойду? – спрашивала я жалостливым голоском, хотя знала, что ничего не выйдет.

– Ты что, не хочешь бабушку с дедушкой проведать? Как же так, они же скучают наверняка, – начинала сразу же давить ба на мои больные места.

– Ну я устала, может, ты сегодня сама сходишь?

– Как же я сама схожу, мне же одной скучно будет, давай собирайся, а я тебе пока сказочку расскажу. Жила-была девушка. И была она счастлива. Появился у неё сначала муж, потом дети, потом внуки, а ещё через время правнуки. Все её любили. Да вот только постарела она. Муж умер. А дети, внуки и правнуки больше не хотели возиться со старенькой бабушкой. Стала она им неинтересна. Долго плакала бедная старушка. Да так и умерла в одиночестве.

Вот и ты так про меня позабудешь. И стану я тебе не нужна. Ходить ко мне перестанешь, как сейчас не ходишь к бабушке Люде с дедушкой Колей. Буду я долго-долго плакать. Вспоминать свою внучку Николь.

Я возненавидела эту сказку, ба приплетала её везде, куда только можно и нельзя. Даже без повода она иногда мне рассказывала эту сказку, чтобы надавить на жалость.

– Ба, ну зачем ты так говоришь, конечно, я всегда-всегда буду к тебе ходить, – сказала я и согласилась в очередной раз пойти в гости к бабушке с дедушкой, я же хорошая девочка, тем более как можно отказать бабушке Свете, ей я отказывать просто не умею.

И вот спустя полчаса мы уже стояли в квартире у бабушкиных родителей. Носки я решила не снимать, они неприятно прилипали к полу, который не мылся, видимо, никогда. С кухни шёл запах жжёного масла, но это ещё можно было перетерпеть, как и липкость всех поверхностей. Одно только не давало мне покоя: во всей квартире я чувствовала очень сильный запах смерти.

Да, именно так, пахло смертью, её приближение, а особенно от дедушки, было так мучительно осознавать, что он умирает, что уже не может сам двигаться, что почти не говорит, что навряд ли он понимает, кто перед ним. Я очень боялась этого запаха.

Как только мы зашли, меня сразу начало тошнить. Я приветливо улыбнулась бабушке Люде и села делать вид, что играю в какие-то игрушки, но на самом деле думала я только о том, насколько же близко ко мне смерть, и о том, как же мне страшно. Я начала постоянно поглядывать одним глазом на дедушку, чтобы убедиться, что он не умер. И начала молиться про себя, лишь бы он не умер сейчас, только бы не у меня на глазах, ох как же страшно.

«Беги, беги отсюда скорее», – звучал тревожный голос внутри, но я оставалась сидеть, оставалась ждать, до самого конца ждала. А потом дома никогда не говорила ничего родителям.

«Какая же я тварь, – думала я, – просто тупая тварь, которая не хочет навещать своих родственников, как можно вообще думать о том, что дедушка умрёт, нет, я точно бессердечная. Сколько они для меня сделали, а я боюсь прийти к ним».

И приходилось ходить, делать все, что попросят, я же хорошая девочка.

Глава 4. Море

Мерно и убаюкивающе поскрипывают качели, волны с шумом ударяются о песчаный берег. Я сижу и раскачиваюсь в полугамаке-полукачелях, бабушка Света приобнимает меня с одной стороны и держит планшет с другой.

Морской солёный ветер треплет мои выгоревшие волосы. Вокруг туда-сюда спешат люди.

– Скоро обед, пора собираться! – кричат они.

А я сижу и плету очередной браслет, резинка за резинкой вплетаются в разноцветную косу, бабушка легонько поглаживает меня по плечу и увлечённо читает что-то в планшете. Я знаю, она опять хочет найти какой-нибудь новый мастер-класс по плетению, мои обычные браслеты ей уже кажутся банальными и слишком лёгкими, я ведь наверняка могу справиться с задачей посложнее.

– Ой, посмотри только, какой шикарный сложный браслет, сплети мне такой же, – ба поворачивает ко мне экран, на котором высвечивается что-то совершенно непонятное моему сознанию.

Мне абсолютно не хочется сейчас пробовать что-то новое, я хочу сидеть и наслаждаться этим прекрасным днём в Турции, раскачивать качели, чувствовать влажный купальник под одеждой, слушать шум волн и наслаждаться. Я только что искупалась в море, ныряла вместе с дедушкой и доставала ракушки, а теперь хочу просто сидеть, не думать ни о чём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.